

Иван Петровский

**Приключения
"индейцев" из 4 Б**

Иван Петровский

Приключения «индейцев» из 4 Б

«Автор»

2026

Петровский И.

Приключения «индейцев» из 4 Б / И. Петровский — «Автор»,
2026

Вы когда-нибудь застревали в форточке, пытаясь достать мандарины? А запускали в небо школьные портфели? А катались с горки на телевизоре? Нет? Скучно вы живёте! А вот «индейцы» из 4 «Б» живут весело! Устраивают снежные сражения, играют в хоккей и «Банки», ищут пропавшую кошку, празднуют Новый год, помогают учителям и даже дружат с двоечниками! А почему их прозвали – индейцами?! Вот вопрос. Интересно? Тогда вперёд! К чтению книги о приключениях советских школьников.

© Петровский И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 28 декабря. Кошей и мандарины.	5
Глава 2. Летающие портфели.	9
Глава 3. Пашка «Булка».	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Петровский

Приключения "индейцев" из 4 Б

Это рассказ о тех прекрасных годах, когда не было сотовых телефонов и компьютеров, во дворе дома из девяти подъездов стоял только один «ушастый Запорожец» (маленькая такая машинка), когда за 3 копейки можно было выпить стакан газировки с сиропом, за 10 съесть «докторскую» булку, а за 20 насладиться великолепным пломбиром. Тогда были и октябрюта, и пионёры, и торжественные линейки. Именно тогда по телевизору не часто показывали мультфильмы, а по выходным – детские фильмы в передаче «В гостях у сказки». Всё свободное время дети проводили на улице, дружили, общались, играли в игры. Самым страшным наказанием был запрет на гулянку, и все очень расстраивались, когда родители кричали из окон: «Ваняяя», «Олееег» или «Ииигорь», – ДОМОООЙ! Тогда ещё были живы и моя бабушка и мой папа.

28 декабря 1987 года

Глава 1. 28 декабря. Кощей и мандарины.

Ваня проснулся рано. Сам. Открыл глаза и прислушался. Дверь в коридор была открыта. Кухонное радио вещало «Пионерскую зорьку». «Значит уже восьмой час. Почему мама не будит?», – пронеслось в голове. Обычно мальчика поднимали мама или бабушка. С мамой-не забалуешь. Сказала-«Вставай!», значит нужно вставать, а с бабушкой можно было и повоевать.

«Ванёнок, вставай!». Так ласково называла бабушка внука. Но Ванёнок никак не хотел просыпаться, поэтому женщине будить приходилось вот так:

– Вставай, проклятьем заклеймённый (это значит быть отмеченным клеймом, как животное, которому горячим железом жгли метку), весь мир, голодных и рабов, – начинала громким голосом петь Мария Афанасьевна.

Несмотря на преклонный возраст, она была крепкой старушкой и совсем не походила на современных бабушек. Невысокого роста, слегка сгорбленная с ярким взором и крепкими, тонкими пальцами, обтянутыми тонкой кожей. Её руки, находившиеся в постоянном труде, с проступающими вёнками (тоненькие кровеносные сосуды), никогда не знали покоя. Она то стирала, то гладила, то готовила, а ещё вязала из лоскутков коврики, шила, убиралась в квартире, ходила в магазин и успевала делать ещё тысячи дел. Кофта, обязательная юбка, светлый платок на голове, завязанный на пиратский манер сзади на узел и самодельные тапки, были её постоянной одеждой. Бабушка была очень верующей и постоянно молилась, то стоя по утрам и вечерам на коленях в большой комнате перед маленькой иконкой, стоявшей в углу, то нашептывая слова перед едой.

С виду-строгая, но очень добрая по характеру, бабушка всегда старалась заступиться за внука перед родителями.

После утренней, первой, песенной побудки, бабушка обычно переходила к более активным действиям. Со словами второй песни «И вновь продолжается бой! И сердцу тревожно в груди...», бабушка резко срывала одеяло со спящего внука. Ванёнок попытался лягнуть ногой обидчика, но опытную женщину провести было сложно, и нога попала в пустоту. Глаза внука оставались закрытыми. А дальше следовало самое плохое. Бабушка начинала за пятки щекотать, проворно отдергивая руки. Ваня очень боялся щекотки и был вынужден в воздухе крутить педали воображаемого велосипеда, стараясь избавиться от раздражающих действий. Бабушка -

не сдавалась, продолжая щекотать. Внук не уступал, толкая ногами в разные стороны. Наконец обессилив, побежденный ребёнок открывал глаза, окончательно проснувшись. Бабушка всегда выигрывала. В её запасе были ещё приёмы: вытаскивание подушки, простыни и даже кружка с холодной водой, применяемая в самом крайнем случае.

Но сегодня всё шло иначе. Ваня вскочил и выбежал в коридор. Холодный, деревянный пол был устлан по всей квартире разноцветными ковриками и дорожками, сохраняя тепло. Бабушка была на кухне.

Серая кошка Мурка сидела рядышком, выпрашивая какое-нибудь лакомство. Бездомное животное в квартиру приволок Ваня. Её, в отличие от других зверей, разрешили оставить. Отмыли, выделили место на кухне для пищи. Мурка была очень чистоплотной. Обычно позавтракав, уходила на улицу и возвращалась поздно вечером. Спала либо у бабушки, либо у внука на постели. Она была благодарна за еду и тёплый дом.

– Ты чего так рано поднялся? Время то только начало восьмого?! – спросила бабушка.

– А мама где?

– На работу ушла.

Отец мальчика работал на заводе и утром уходил очень рано, а мама обычно успевала разбудить сына и даже накормив завтраком, отправить его в школу. Но так, бывало, не всегда.

– Садись, поешь, я тебе сырники сделала.

Сырники Ваня мог есть хоть каждый день. Румяный овал обмакивался в сметану с сахаром и растворялся во рту.

– Умойся сперва, – сказала бабушка.

Мальчик быстро умылся, наскоро вычистив зубы детской пастой. На тюбике был изображён заяц из мультфильма «Ну, погоди!». Эту пасту даже можно было есть. Не много, конечно, иначе болел живот, но можно, что школьники и делали в пионерском лагере летом.

Быстро позавтракав и поцеловав хозяйку, мальчик начал собираться в школу.

– Ты чего такой быстрый и радостный сегодня? – спросила бабушка.

– Ба, ты чего?! Сегодня же последний день в школу и каникулы.

– ААА, теперь понятно.

Бабушка улыбнулась. Ваня не знал, ходила ли она в школу. Бабушка родилась и выросла в сибирской деревушке, где было много работы и мало свободного времени.

«Ну наверно ходила?!», – думал мальчик, одевая школьные брюки. «Она же умеет и читать, и писать?!».

Брюки застегнулись, оставив много свободного пространства между собой и впалым животом. Приходилось опоясываться ремнём. Мальчик был очень худой. Тонкие ножки, ручки, торчащие рёбра, на которых, как говорила мама, можно было сыграть мелодию молоточком, как на музыкальном инструменте-ксилофоне. Ваня видел его и даже играл на нём в музыкальной школе, куда ходил на занятия несколько раз в неделю.

Худоба была не связана со здоровьем, просто мальчик не любил есть, особенно мясо. Блины, оладьи, сырники – это пожалуйста. Мог уплетать каждый день, со сметаной или вареньем, но мясо?! Ну уж нет! Не заставишь. Исключение составляла вареная колбаса, но без жира. Мальчик старательно вилок выковыривал каждый белый комочек. И только окончательно убедившись, что жира в розовом кругляшке-нет, мог откусить кусочек.

За небольшой вес старшая сестра дразнила его «Кощеём», «Скелетом» или «Дистрофиком» (это такие очень худые люди). Светка была старше брата на несколько лет и пользовалась этим. Разница в возрасте и в весе, а сестра была полной девочкой, влияли на исходы драк, периодически возникающих между ними. Ваня всегда проигрывал, если не удавалось убежать. За дразнилки мальчик мог сзади дернуть сестру за волосы или пнуть её, после чего бежал со всех ног, пытаясь спастись от расправы. Если конфликт был в квартире-всё. Спасения не было. Сестра везде могла его достать и надавать тумаков, но иногда удавалось сбежать на улицу, где

догнать шустрого мальчишку было бесполезно. Конфликты всегда сопровождались криками, топотом, а иногда и рёвом, но заканчивались всегда одинаково: мама наказывала обоих. Особенно доставалось сестре. «Ты-старшая и с тебя будет двойной спрос», – говорила мама, раздавая «награду» в виде шлепков тапком по заднему, мягкому месту. Сестра дула губы и грозила кулаком обидчику, который так же получал по заслугам.

Но не надо думать, что дети жили в постоянной ссоре. Иногда, объединившись и используя свои способности (силу сестры и ловкость брата), совершали совместные шалости. Даже заступались друг за друга. Так было, например, накануне. Родители купили несколько килограммов мандаринов, что было большой редкостью, особенно перед Новым годом. Каждый оборачивали в газету и клали между оконных рам большой комнаты, сберегая фрукты в холоде и не давая им испортиться. Детям строго настрого запрещалось брать без спросу сладкие плоды, которые так и манили, уложенные за стеклом. Дети стояли у окна и смотрели на запретные фрукты.

– Иди, проверь, где бабушка, – повелительным тоном сказала сестра.

Ваня приоткрыл дверь и выскользнул в коридор. Какие-то звуки исходили с кухни. На цыпочках подобравшись ближе, мальчик выглянул из-за угла. Бабушка стояла у своего стола, спиной к выходу и что-то резала на доске. На газовой плите парила кастрюля, слегка подпрыгивала над кипящей водой крышка. Бабушка готовила. Мальчик вернулся обратно, тщательно, но осторожно затворив за собой дверь.

– На кухне. Готовит, – чётко доложил он.

– Тебя не увидела?

– Нет.

– Ага. Приступим. Залезай мне на спину, а потом на подоконник.

Чтобы завладеть мандаринами, нужно было открыть форточку внутреннего окна и опустить руку в проём. Но до форточки ещё нужно было добраться, а это было не так просто. Рост мальчика не позволял дотянуться до подоконника, а вес девочки – уместиться на узкой доске. Тут ещё раз ещё стояла швейная машина в огромном футляре. Мальчик забрался сестре на спину и перелез на подоконник, еле-еле уместившись на свободном пространстве. Открыл форточку и просунул руку между рамами, пытаясь дотянуться до фруктов. Пришлось встать на цыпочки. Сестра нетерпеливо дернула его за штанину.

– Ну? Что ты возишься?

– Дотянуться не могу.

Мальчик никак не мог достать мандарины. Пришлось втиснуться плечом. Безрезультатно. Не хватало нескольких сантиметров. Тогда Ваня просунул в проём голову и наконец схватил один газетный сверток.

– Есть! – радостно сказал он.

Девочка заулыбалась, предвкушая сочную мякоть цитрусовых во рту. Но дальше случилось не предсказуемое.

– Светка. Я кажется-застрял, – сказал Ваня, пытаясь вылезти из форточки.

– Как застрял?! Ты шутишь? А ну, «Кощей», вылезь быстрее, пока бабушка не вернулась!

– Я не могу. Не получается. Ни рука, ни голова не проходят.

Сестра стала дергать брата за ногу, и мальчик закричал.

– Ты чего орешь?

– Не тяни. Мне больно.

– Как ты вообще мог застрять? Ты же – дистрофик?! Вылезь быстро!

– Не могу. Никак.

– Мандарин тогда хоть выкинь.

– Уже отпустил. Всё равно. Не пролезаю.

– Ну и виси тогда.

– ААААААААА, -заголосил мальчик. – Вытащи меня!

Пришлось идти за помощью. Конечно попало обоим от бабушки, но не так сильно, как бы от мамы. Бабушка вытащила внука и выдала обоим по мандаринке. Эти мандарины Ваня запомнил надолго. Так и жили.

Глава 2. Летающие портфели.

Ваня одел всю школьную форму: брюки, рубашку, школьный пиджак. Пригладил чёрные волосы и посмотрел на себя в зеркало. Мальчик-как мальчик. Среднего роста, чёрные глаза, ямочки на щеках. «Не пропали – ли?», – встревожился школьник и, улыбнувшись себе, успокоился. Ямочки были на месте. Они ему нравились, и он даже специально накручивал указательным пальцем по ним на обеих щеках, чтобы не пропали. Смущали только оттопыренные уши, торчащие, как антенны или лопухи. «Ничего. Переживем». Не хватало красного галстука.

Ах, как ему хотелось иметь этот кусок яркой материи! Но мальчик не был пионером. Раньше была такая организация. Сначала ребят принимали в октябрюта, а потом уже в пионёры. И те, и другие давали торжественные клятвы: хорошо учиться, помогать взрослым, не хулиганить и беречь окружающий мир. Это было почетно и здорово! В пионеры принимали не всех и не сразу. Если ученик плохо учился или постоянно дрался, был неаккуратен и ходил в грязной одежде, ему предлагали исправиться и только после этого принимали в организацию. Ваню не приняли, но по другой причине. Когда многим одноклассникам седьмого ноября торжественно, во дворце, повязывали красный галстук, мальчик сильно болел. Когда выздоровел, приём уже закончился и нужно было ждать следующего, а пока он с завистью посматривал на принятых в пионеры ребят. Октябрютскую звездочку он уже не носил. Очень ему хотелось носить галстук и вместе со всеми собирать металлолом (сломанные, не нужные детали, старые велосипеды или куски забора) и макулатуру. Между классами проводились различные соревнования по сбору. Победитель награждался грамотой. А Ване грамоту не давали. Участвовать в соревнованиях он не мог, да и насобирать такое количество ненужного железа одному, было невозможно.

Мальчик вздохнул, одел коричневое пальто с поясом, нацепил чёрную шапку-ушанку, схватил портфель, и, крикнув бабушке на прощанье: «Я ушёл», выскочил за дверь. Тогда двери в квартиры не запирались. А зачем? Никто не воровал. Иногда на ночь родители задвигали засовчик. От соседа, который будучи пьяным часто путал квартиры и заходил к Петровым домой, как к себе, пугая громкими криками жильцов. Да, забыл сказать. У Вани была фамилия – Петров. Обычная и распространенная.

Ваня вскочил на красные, широкие перила и поехал вниз спиной вперёд. Квартира, где жил ученик с семьёй, находилась на втором этаже трехэтажного дома. На первом этаже квартир не было. С другой стороны находились продуктовый и хлебный магазины. Ездок по перилам быстро домчал до первого этажа и мастерски спрыгнув, чётко приземлился на ноги. Такие катания проводились каждый день и мальчишке ловко удавалось скользить и прыгать с этих препятствий. Толкнув внутреннюю и внешнюю подъездные двери, он выскочил во двор.

Зима была в самом разгаре. Снег укутал огромные тополя и низкие сирени, кусты акаций и дворовые постройки. Качели, турники, барабан, шахматный и теннисные столы, абсолютно на всем, белым покрывалом лежали горы снежинок. Казалось, будто неведомый волшебник проходил мимо их двора ночью и случайно рассыпал драгоценные камни.

Чувствовался лёгкий мороз. Вдохнув и выдохнув пар изо рта, мальчик побежал к шестому подъезду, где жил его друг – Олег. Бежал наперерез, через двор, разгоняя в стороны снежные вихри. Кричать под окном было не красиво, утро ведь, а вот кинуть снежком в окно, известив о своем прибытии, никто не запрещал.

Ваня скинул варежки, нагнулся и зачерпнул белый, липкий снег. Руки уверенно начали лепить комок. Пальцы обожгло холодом, но это были пустяки. Слепив кругляш и тщательно прицелившись, мальчик запустил снежком в окно второго этажа. Снаряд попал точно в цель, издав требуемый шум. Ничего не произошло. Тогда настало время для второго комка. Меткий выстрел, лёгкий удар по стеклу и опять тишина. Мальчик внимательно вглядывался в тёмное

окно. Третьего комка делать не пришлось. В окно выглянула кудрявая голова с бантом. Это была младшая сестра Олега. Ваня приветственно замахал ей рукой. Та кивнула и её голова пропала. Сигнал принят, оставалось ждать.

Через пять минут подъездная дверь открылась и во двор выскочил тот, кого ждал Петров. Это был такой же худощавый, весёлый и шустрый мальчишка, обычного для своих лет роста. Со слегка кудрявыми волосами русого цвета. Олег Макаров учился хорошо, любил математику, уже был пионером. Ему нравилось что-то строить из конструкторов и самому собирать разные механические игрушки. С помощью батареек игрушки «оживали». Умели ездить и светить лампочками.

Оба учились в четвёртом классе обычной школы.

– Привет, «Макар», – поздоровался Ваня, протянув руку. Так иногда безобидно называли Олега.

– Привет «Вано», – ответил Олег. На прозвище «Вано» – Ваня не обижался («Вано» – по – грузински значит «Ваня»).

Мальчики пожали руки и побежали в школу.

– Ты чего так поздно сегодня? – спросил Петров друга.

– Да проспал. Поздно лёг вчера.

– А чего?

– Робота нового доделывал.

– Ух ты! Здорово! А что он может?

– Пока-не много. У него загораются глаза, но я ещё хочу научить его двигаться.

– Ничего себе?! – с удивлением ответил Петров и даже остановился. – Неужели сможешь?

– Не сомневайся, – уверил его Макаров и тоже остановился. – Я уже разобрал старый танк с моторчиком и снял гусеницы. Хочу вставить это всё внутрь робота. Уверен, он будет ездить.

– Это будет самая крутая штука на свете!!! – восторженно воскликнул Ваня. – Запустим в подъезде?

– Обязательно. Только нужно доделать. Побежали, а то в школу опоздаем.

Мальчишки ускорились. Путь до школы пролегал между тремя садами. При подъёме в горку, оба поскользнулись и чуть не упали. Лёд был отличный. Договорились после уроков обязательно прокатиться здесь, используя портфели, как ледянки.

А вот и школьный забор. Срезать путь, протиснувшись через прутья, не получилось. Слишком узкое расстояние и много одежды не позволили сделать это. Пришлось оббегать по центральной дорожке к главному входу. Большое крыльцо, широкое, высокое и очень скользкое, как хорошая горка, звало прокатиться. Широкие, под метр, каменные перила, начинавшиеся в самом верху, заканчивались прекрасным «трамплином» внизу, явно уже кем-то опробованным.

– Интересно, а если запустить портфели по перилам сверху на этот трамплин, насколько далеко они улетят?! – вслух задался вопросом Петров.

– Не знаю. Ну может на пару метров, – ответил Макаров. – Пойдём. Времени почти нет. Потом испробуем.

– А мне кажется-дальше. Метров на пять. Давай проверим? Спорим, что я портфели с этой горки запущу дальше, чем ты?! – увидев сомнения в глазах друга заявил Ваня.

– Хорошо. Не буду спорить. После уроков проверим. Пошли уже!

– Нет. Давай сейчас. Время ещё есть, – настаивал Ваня. – Запускай ты первый! Или тебе «слабо»?

До начала урока оставалось ещё несколько минут, и Олег согласился провести испытание. Петров передал портфель другу, а сам спустился к первой ступени. А потом вообще отошёл на несколько шагов, встав чётко напротив перил. Макаров, поднявшись на самую верхнюю точку, залез на перила и, сильно разогнав, катнул вниз первый портфель. Хорошо заскользив по глад-

кому покрытию, портфель взметнулся на трамплине и, набрав приличную высоту, перелетел Ваню. Преодолевав несколько метров он упал на снег, развалив содержимое. Замок не выдержал нагрузки. Тетради, пенал, учебники и дневник разлетелись в разные стороны. Олег только успел открыть рот.

– Не бойся, – крикнул ему друг. – Я сейчас всё соберу.

И он начал споро поднимать учебники и школьные принадлежности. Если бы не обложки, бумага бы быстро пропиталась водой, но всё обошлось. Ну почти. Пострадал только дневник, который не только вылетел дальше всех, но и раскрывшись в полете приземлился бумагой на снег. Когда Ваня его поднял, он уже был сырой. Времени на раздумья не было и ученик, сложив всё в портфель, вернулся к крыльцу.

– Всё хорошо? – спросил Макаров.

– Да. Запускай теперь мой, – подтвердил Петров, откладывая чужой портфель в сторону.

Второй «снаряд» пролетел ещё выше и ещё дальше. Несмотря на то, что мальчик встал на приличное расстояние, намереваясь поймать летящий предмет, скорость его оказалась слишком высока. А этот портфель, так же пролетев над головой ученика, вообще улетел за забор. Там и упал в сугроб. Чуть-чуть не задев в полете пожилую учительницу химии, которая подходила к работе.

Эмилия Александровна успела пригнуться и при этом, поскользнувшись, едва не упала на раскатанный учениками школьный двор. Ваня, смотревший за полётом портфеля, так и уткнулся в неё глазами.

– Ну-с?! – грозным тоном сказала учитель, уставившись на мальчика. – И что это здесь происходит? Поясни мне.

Школьник, поняв, что только чудом не стал виновником падения пожилого учителя, смутился и опустил глаза.

– Фамилия твоя как? – опять спросила женщина.

– Петров, – ответил мальчик, глядя себе под ноги. Ему было стыдно.

– Какой класс?

– Четвёртый «Б».

– Я обязательно расскажу о твоём поведении Нине Васильевне (так звали классную руководительницу мальчишек). А сейчас забирай портфель и марш в класс!

Ване стало ещё хуже от этих слов. Он поднял голову высматривая друга на вершине крыльца, но оно было пустым. Олег куда-то видимо спрятался.

– Что ты уставился на школу? – спросила Эмилия. – Портфель поднимай и бегом на уроки!

Пальто мальчика во время портфельных запусков чуть распахнулось и шарф съехал в сторону обнажив воротничок рубашки. На него и обратила внимание преподаватель, добавив с сожалением: – Э-эх, так ты даже не пионер?! (пионерские галстуки навязывали именно на воротничок). Теперь понятно. Тебя не приняли из-за того, что ты хулиган и это сразу видно!

Ваня попытался что-то возразить, но химичка уже отвернулась от него. С удивлением пройдя мимо первого сырого «снаряда», стала подниматься по крыльцу. Петров только махнул рукой и пошёл в сторону забора, куда предположительно приземлился его портфель. Обнаружив свой предмет в сугробе, мальчик его вытащил. Смахнул снег, открыл и вытряхнул комья изнутри и направился к зданию. У входа уже стоял Макаров со своим портфелем.

– Ты куда делся? – спросил Олега одноклассник.

– Куда, куда?! Спрыгнул с перил в сугроб, – последовал ответ. – Я как увидел, что чуть в химичку не попал, а она едва не упала, а потом стала тебя отчитывать, сразу и сиганул (очень быстро прыгнул).

– Что, струсил?

– Нет. С чего вдруг?! Тебе лучше бы было если бы она нас двоих отругала? Тем более, что это ты виноват!

– Нет конечно, не лучше. А почему я – то виноват? Это же ты запуск произвел?!

– Произвел. А кто меня на «слабб» брал? Ты! А я говорил тебе-пошли в школу? Говорил.

– Согласен, – грустно подтвердил Ваня. – Моя вина.

– Что она тебе сказала? Мне не слышно было.

– Пообещала Нинке нашей пожаловаться. Ещё и отсутствием галстука попрекнула. Сказала, что меня не приняли в пионеры, потому что я – хулиган. Если «классная» узнает – матери скажет. Попадет. Возможно и гулять в каникулы не пустят.

– Ну дела, – грустно подтвердил Олег. – Не пустят гулять, да ещё и в каникулы – это уже слишком. Может на перемене сходишь к ней и извинишься?

– Не больно-то хочется....

– А дома десять дней сидеть-хочется?

Ваня тяжело вздохнул, отрицательно помотав головой и открыл дверь в школу. Он так и не решил, как поступит.

Глава 3. Пашка «Булка».

Войдя в первую дверь школы, мальчишки оказались в тамбуре (это такое помещение между двумя дверьми). Вторая, сверху стеклянная, прозрачная дверь отделяла ребят от внутреннего помещения. Нужна была разведка. Мало ли что?! Сегодня «школьная охрана» была усиленной. Помимо тёти Даши, уборщицы, тщательно следившей за порядком, стояли двое дежурных с повязками на рукавах. Мальчик и девочка. Последние следили за порядком на первом этаже и наличием второй пары обуви, обязательной для посещения школы. Без заветного мешка с сандалиями (это такая обувь с дырочками), в которых в основном ходили все ученики, в школу не пускали, отправляя домой. Но этих можно было не бояться. Однако именно они могли поднять тревогу. Если нарушитель пытался прорваться через заслон, оттолкнув или проскочив мимо дежурных, в бой вступала «тяжёлая гвардия» – тётя Даша (гвардией называют самых лучших воинов в армии).

Тётя Даша, по прозвищу – «Мегера», мастерски (очень умело) использовала в качестве оружия – половую тряпку. У неё был многолетний опыт. Тётя Даша очень давно работала в этой школе. Она без труда попадала тряпкой, как древний викинг-секирой (были такие у них тяжёлые топоры) по любой части тела, в основном по спине. В открытую схватку с ней никто не вступал, поэтому старались скрыться, спрятавшись в толпе других учеников, но это было бесполезно! Как заядлый ковбой, умело владеющий бичом, уборщица наносила хлесткий и точный щелчок, заставляя нарушителя убираться восвояси. Ещё она успевала открывать раздевалки младшим и старшим классам, мыть полы, протирать пыль, убирать снег с крыльца, посыпать подходы к школе песком и ещё кучу всего. По слухам, её побаивались даже физрук и директор! Она была самым суровым борцом за порядок и чистоту в школе.

Ваня открыл портфель и похолодел. По спине побежали мурашки. Мешка со второй парой там не было. Мальчик остановился, пытаясь вспомнить. Потерять он его не мог. Даже после падения, портфель оставался закрытым. Значит остается квартира. Возвратиться домой за сандалиями, значило опоздать на первый урок и получить серьёзное замечание от учителя. А это опять запись в дневник и наказание. Если добавить жалобу Эмилиии, получалось совсем не хорошо. Друг, идущий следом, был вынужден так же остановиться.

– Ты чего встал? – спросил Олег.

– Я, кажется, вторую пару дома забыл, – упавшим голосом произнес Петров.

– Ерунда. Не в первый же раз?! Прорвёмся! Кто там дежурит? – спросил Макаров. Отойдя в сторону, он рассмотрел дежурных. – Фигня какая. Это Петька Ронжин из четвёртого «А» и девчонка из его же класса. Проскочим. Он хоть и выделяется, но парень нормальный, жаловаться не будет. Иди мимо сразу в раздевалку.

– Ага, а «Мегеру» ты не заметил? – спросил его собеседник, указав на уборщицу, грозно прогуливавшуюся у дверей. Что означает слово – «Мегера», мальчики не знали, но именно так называли «за глаза» тётю Дашу все ученики и даже некоторые учителя.

– Тебе хана, – точно заметил Макаров. – Мимо неё-не проскочить. Где мешок? Может при запуске выпал?

– Нет. Портфель не раскрывался. Дома скорее всего оставил.

– Придётся возвращаться. Другого пути-нет.

– Есть! – вдруг неожиданно радостно сказал Ваня. – Задний двор. Там, через запасной выход и проскочу. Ты – иди здесь. Покажешь мешок дежурным и «Мегере» и сразу дуй к той двери. Открой изнутри щеколду. Уже в школе я тебе пальто отдам, а сам на лестнице подожду.

– Голова! – поддержал его друг. – Давай только бегом. Пять минут осталось.

Петров выскочил обратно на улицу и начал оббегать учебное заведение. С левой стороны здания, находился запасной выход, через который выносили мусор, поднимали продукты в столовую и выходили на уличные уроки физкультуры с лыжами. Кроме подъёма на этажи имелся спуск в подвал, где хранился спортивный инвентарь.

Выскочив из-за угла, мальчик сразу завернул обратно, осторожно высматривая того, кто стоял на крыльце.

Макаров, проскочив дежурных и «тяжёлую гвардию» метнулся к запасному выходу, с удивлением обнаружив, что тот-открыт. Он осторожно выглянул из-за двери и тоже замер. Ваню, выглядывающего из-за угла, Олег, конечно, увидел, а ещё он увидел «причину» по которой его друг медлил и не решался войти даже в открытую дверь запасного хода.

«Причина» была известна, знакома и крайне неприятна. Её, эту самую причину, звали – Пашка «Булка». Хулигана, по фамилии Булкин, из четвёртого «Б», который в настоящее время стоял на крыльце запасного хода и курил сигарету (представляете? Пашка уже курил!), знала не только вся школа, но и милиция.

Опять же-среднего роста, с тёмными, вечно не чесанными и не стриженными волосами, двоечник Булкин был грозой не только всей начальной школы, но и учеников постарше. С кем проживал и кто занимался его воспитанием, мальчики не знали, но судя по поведению – он вообще жил один. Проблемы с учёбой у Пашки начались со второго класса. Наверное, по тому, что в первом классе ещё не ставили оценок. Закончил год с одной четвёркой по пению. Третий год обучения не задался совсем. К лету у «Булки» вышло шесть годовых двоек, которые к началу четвёртого класса, каким-то чудом были исправлены на тройки. Этот учебный год не стал каким-то исключением. С сентября «Булка» уже не имел ни одной тройки, даже по его любимой музыке. В классном журнале красовались красные «гуси» (так ребята называли двойки).

Пашка был октябрёнком в первом классе, но потом его исключили, за драку. Бить всех подряд было для него нормой. «Получали» и одноклассники, и ученики параллельных, младших и даже старших классов. Своих он лупасил и за дразнилки (ну как же Булкина-«Булкой» не назвать?!) и просто так. Младших – исключительно «просто так». Проходя мимо какого-то ученика, мог его толкнуть, пнуть или отвесить «леща» (подзатыльник). Некоторых старшеклассников-исключительно за насмешки.

Можно было подумать, что Пашка – просто «бедный мальчик», которого все дразнят за созвучную с хлебом фамилию и ему приходится защищаться?! Его бы силушку (а удар кулаком на себе испытали и Ваня, и Олег, да и фактически все мальчишки их класса) направить куда нужно, например в спорт или ещё куда?! Но ни к спорту ни «ещё куда» Пашка желаний и стремлений не имел, а обижать малышей явно было подло. Ладно бы только драки?! Булкин занимался «трясучкой». Караулил школьников у школы после уроков или перед ними, зажимал, чтобы никто не видел и вытряхивал всё у них из всех карманов. Самое ценное, например – деньги, выданные на обеды родителями или жвачки, конечно забирал. А кто сопротивлялся – получал тумачков. Некоторые, конечно, жаловались родителям, а те-в милицию. С Пашкой разбирались, предупреждали, грозили пальцем, говорили, что такого делать нельзя, но это не помогало.

Из октябрят его погнали, в пионеры – не приняли. Дружить с ним никто не хотел из-за его поведения. Одноклассники сначала пробовали его перевоспитать. Даже помогали с уроками. Но Пашка прогуливал школу, домашние задания не выполнял, ребят дубасил, плевался, обзывался, начал курить и с ним перестали общаться. Даже при встрече обходили стороной. Отпор, конечно, ему давали. Не все и не всегда, но тем не менее. Булкин часто ходил с синяками на лице, но с такими он больше не связывался, предпочитая обирать одноклассников или школьников младших классов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.